

ИЗ ИСТОРИИ БАЛЕТА БОЛЬШОГО ТЕАТРА

(Продолжение. Начало на 3-й стр.).

линина, Козлова, Л. Жукова, замечательных мимических актеров, продолжателей традиций В. Гельцера — В. Рябцева, И. Сидорова, Л. Лапилина. Очаровывала мягкостью, лиричностью своего танца М. Кандаурова. Большинству из них обязан балет Большого театра своей подвижной интереснейшей жизнью в первые годы после Октября, своими открытиями двадцатых годов и своими свершениями в последующие десятилетия.

ВЕЛИКАЯ Октябрьская социалистическая революция перевернула все привычные представления и о жизни и об искусстве. В театр пришел тот народ, во имя которого совершались грандиознейшие события мировой истории. Встал вопрос о том, как жить балету Большого театра дальше. Как найти ему те пути, которые свяжут обобщенное условное искусство танца с новой жизнью. Старый Большой театр владел огромным богатством — репертуаром, труппой. Искусство его лучших мастеров, его лучшие постановки и должны были в первую очередь стать достоянием нового зрителя. И стали. В голодной холодной Москве с ее тяжелым бытом первых после-революционных лет мастера балета героически выносили на суд зрителей самое ценное, самое лучшее из того, чем владели они сами. В поисках контактов с новой аудиторией они сами невольно переставляли где-то акценты в старых ролях, чуть уловимо меняли манеру исполнения, акцентируя и в танце силу, чеканность, оптимизм — то были качества, издавна близкие традициям театра.

Первой из деятелей хореографии Народной артисткой страны Советов стала Екатерина Васильевна Гельцер — блестящая балерина, замечательная мимическая актриса. Ей был близок гармоничный мир классического балета, она была и постоянной участницей экспериментов Горского. Родило хореографа и балерину чисто московское «стремление все драматизировать». Недаром один из критиков написал в свое время, что танец Гельцер «растал в огне драматического галанта», назвал ее «воинственной Брунгильдой русского балета». Элегантная, браурная Гельцер привела в рождающийся советский балет победительные, утвердительные мотивы. Творческая тема актрисы — тема крупной осуществленной лич-

ности нашла отклик в пафосе первых послеоктябрьских лет.

Еще до революции критика отмечала В. Кригер как танцовщицу одаренную, но несколько эксцентричную. В 1923 году после заграничных гастролей артистка снова начала выступать на сцене Большого театра. Темперамент балерины, сильный, захлестывающий, диктовал и манеру ее танца. Кригер как бы поставила испытанные механизмы старых партий на новую скорость: мир в них завертелся, обрел неслыханную динамику. Как волшебная палочка оживляла, тормозила артистка царство спящих красавиц.

Искусство М. Рейзен в двадцатые годы неожиданно преломило идеи Горского, его мысли о демократизации балетного искусства в бытовом, городском варианте. Оно шагнуло к слиянию классического танца с танцем характерным и показало, что в современной балерине быт соединим с самыми высокими традициями. Е. Гельцер была воительницей, бунтаркой, ее партнер В. Тихомиров — человеком традиций, хранителем всего мужественного, значительного, что накопил мужской танец в Большом театре. Крупность его героев, убеждение мастера, что «искусство прежде всего должно быть здоровым», роднили его с послереволюционным временем. Рядом танцевали его ученики. Одним из самых репертуарных артистов стал Л. Жуков, высокий, прекрасно сложенный В. Смольцов стремился к предельной выразительности танца, был мастером конкретной детали; окончивший в 1920 году московскую школу Н. Тарасов продолжал академические традиции Тихомирова и с 1923 года занялся педагогической деятельностью, став замечательным преподавателем мужского танца.

Молодые танцовщицы труппы, неся на себе тяжесть репертуара, благоговей перед новшествами Горского, вскоре стали выступать в экспериментах другого реформатора московского балета — К. Голейзовского. Но и выступая в старых балетах, каждая из них приносила в спектакли что-то свое. Гимнастическую силу, упругость в известные классические схемы — Н. Подгорецкая; бытовую сущность в привычное амплуа инженерно-кокет — А. Абрамова; земную и одновременно возвышенную лирическую взволнованность — В. Кудряцева, живописную пластичность — Л. Банк.

(Продолжение следует)